

18+

Олег Паршев

*Месяц
династии Май*

A stylized illustration of a red flower with black outlines, set against a yellow background. The flower is the central focus, with several petals and a dark center. The background is filled with abstract, swirling lines and shapes in shades of yellow, orange, and purple, creating a dynamic and textured effect. The overall style is reminiscent of a woodcut or a graphic print.

Книга стихов+

Олег Паршев

**Месяц династии Май.
Книга стихов +**

«Издательские решения»

Паршев О.

Месяц династии Май. Книга стихов + / О. Паршев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981216-2

Ты мне пишешь: опять прохудился овин, А у Зорьки — вот-вот и отёл. А пастух-снегочёт из династии Мин Заедает стихами рассол. А ещё говоришь: у тебя по весне В огороде цветёт Сингапур, И тебе вновь придётся в худом шушуне Разводить кашемировых кур.* Это моя седьмая книга стихов. Перед ней были «Иероглиф «Свет», «Тау Кита», «Необитаемые сны», «Ночной трамвай», «Игра в блюз» и «Поиск дверей в зарю».

ISBN 978-5-44-981216-2

© Паршев О.
© Издательские решения

Содержание

Ползком по воде	6
Рождённый ползать по воде	6
Выжатым лимо...	8
Баба с во...	9
Куда?	10
Дама – с кареты...	11
Шла она	12
Властелинколючая	13
Ночник	14
Сотворение	15
Мы все полосаты	17
Сквозь топи ночи	18
Говорящий апрель	19
Бритва	20
А она улетала в Рим	21
У далёких антиподов	22
Сверчкалось	23
Кто ты?	24
По Божьим дорожкам	25
За зеркалами	26
Пиит	27
Время внучек	28
Мёд дикого звездопада (2016—2017)	29
Мёд дикого звездопада	29
До предела мрака	30
Нас оставляют	31
А улитки продолжают играть	32
Она пришла из Шулема	33
Юродивый	34
Шишел-Мышел выжил	35
Капля света падает в бочку тьмы	36
Сизиф	37
Гэндальф и Мазай	38
Надеюсь...	39
Открой моё завтра своим лучом	40
Искрами на золе	41
Путь бороны	42
Прорастая в весну	43
До скончания кед	44
Хоть тысячу раз...	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Месяц династии Май

Книга стихов +

Олег Паршев

© Олег Паршев, 2020

ISBN 978-5-4498-1216-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ползком по воде (2016—2017)

Рождённый ползать по воде

Рождённый ползать по воде,
Нырять не может.
И все твердят ему везде:
Тонуть негоже!
Но он пытит себе: «Бодрей!»,
Скользя по глади.
А тут десяток рыбарей
Подплыли сзади.

Один из них – власами рыж —
Сказал негромко:
Ну что ж ты, милый, шебуршишь
По водной кромке?
Давай, скорей уже ныряй!
И будь – что будет!
А дале – стилем баттерфляй —
Вон к той запруде.

И, спрыгнув с лодки, подошёл
Неторопливо.
Да проворчал, что, «братец, мол,
Не жди отлива».
И сунув руку в глубину,
Поймал рыбёху.
«Ну что сробел, давай же, ну,
И хватит охать».

Сперва ползущий бросил взгляд
И чуть опешил.
Не каждый день к тебе спешат
По морю пешим.
Но подошедший говорил
Проникновенно.
И для нагляду утопил
Одно колено.

И осмелел ползущий тут,
Давай нырять же!
И это видел всякий люд,
Что был на пляже.

И все вопили, что есть сил,
И ликовали.
А рыжевласый уходил
С улыбкой в дали.

Выжатым лимо...

На работе – чехарда,
Жуть и полный мрак.
На работе – каварда...
ТЬфу ты, кавардак!

Скоростная карусель
Мчится в голове.
Нам тут всем не до весель...
Хочется взреве...

Договаривать слова
Мы уже не мо...
И домо... ползё... едва
Выжатым лимо...

Баба с во...

У бабы по имени Сво —
Кобыла, что кликают Ле.
И хочется им одного —
Проехать всю даль на земле.
Да так, чтоб тропинка вилась,
А ты себе прёшь да и прёшь.
И крикнешь знакомому: Здравь!
Да и не знакомому тож.
И так – чтоб никоих препон.
А ночью завалишься в стог.
И чтоб – убаюкивал сон.
А в грёзах явился бы Бог.
А ты Его спросишь о том,
О сём, да ещё – как дела?
И много ли страшным судом
Душ грешных спалили дотла?..
И так похлопочешь о них,
Что сердце сожмётся в груди.
И что-то в какой-то из книг
Он выправит, бросив: Иди!..

И вот уже баба – не Сво...
И вот уже баба – не ду...
В душе у неё волшебство,
А руки разводят беду.
По кромке мелькающих дней
Поклонники мчат ей вослед.
Слагают сонеты о ней.
И шлют за букетом букет.
А дама ступает в лучах,
И лошадь её расцвела.
И солнце сияет в очах.
И мир остывает от зла...

Куда?

Аты-баты, ёлы-палы,
Дом-работа-поезда.
Едет кто-то запоздалый
Из напрасно в никуда.
Всё отложено зачем-то
На когдатное потом.
Отмотать бы эту ленту,
Всё исправить – там и в том.
Да на мёбиусной тропке
Нет возвратного пути.
Лбом – апстену, письма – фтопку,
Нет ума – так не сойти.
Что за синь в дверном проёме?
То ли – птица, то ль – сосед.
Всё смешалось в этом доме —
Войны, боли, путч, балет.
Три синицы, ламца-дрица,
Сказ о белом журавле.
Что же вешаться-топиться,
Коль надежда на челе?
Брак нефактный, но деюрный,
Гор гитарный перезвон,
Шуры-муры, бабы-дуры,
Дзен, отцепленный вагон.
На вокзале, трали-вали,
Наливали на весу,
Уроняли в цинандали
Набежавшую слезу.
Разум мира канул в кому,
Азы, Буки, самолёт...
Эй, МакГроу, дай-ка рому!
Жизнь... Куда ж она идёт?..

Дама – с кареты...

Когда дама выходит из тильбюри,
лошадь переводит дух
И хочет поблагодарить,
да не умеет вслух.
Дама с улыбкою входит в театр,
сбрасывает манто.
А лошадь кивает тем, кто запряжен в фиакр,
и тем, кто привёз ландо.
А потом, обмахиваясь хвостом,
пережёвывает с подругами новости будней.
И тут... ей вдруг думается о том,
что все лошади – немного люди.

*Тильбюри (от англ. Tilbury) – лёгкая, открытая, двухколёсная карета, с крышей или без, разработана в начале XIX века лондонской фирмой «Тильбюри».

Шла она

Шёл поэт однажды сквером,
Прыгал squirrel на суку.
Брёл поэт и primavera`ил
В набежавшую строку.
И ронял её с улыбкой
На бумагу и дисплей.
И ваял слова навскидку
Меж тропинок и аллей.
Всё на свете рифмовалось,
Музы реяли толпой.
Что стихи? Ведь это – шалость,
Наливай себе да пой.
И в сей миг не мог он ведать,
Что ему наперерез
Шла она (плыла, как лебедь!)
В ясном пламени небес.
Замер он, как всадник медный.
Бросил взгляд – и вот те на!
Шутки сгинули бесследно.
В целом мире лишь она!..
И вспарив в порывах света,
Растеряв остатки сил,
В первый раз за много лет он
И словца не проронил..
Белки прыгали по соснам.
Цвёл апрель. Но всё – пустяк!
Шла она по звёздным вёснам,
Растворяя мутный мрак.

Властелинколечная

Раз, два, три, четыре, пять,
Я иду тебя пугать!
Испугался – выйди вон!
Ты теперь не Саурон.

Так играли дети в парке.
Оплывали звёзд огарки.
Тьма, ползущая окрест,
Проникала во подъезд,
Добиралась до квартир,
Но, протёртая до дыр
Белой ночью, отступала.
И текла на дно подвала.

Пять, четыре, три, два, раз,
Нам не нужен Леголас.
Пусть кипят вокруг туманы,
Нам помогут саруманы.

– Ну, а ты, – сказали мне, —
Будешь свет искать в огне
И летать, не зная брода.
Ты застукан, выйти, Фродо!..

Ночник

Ночник лимонного стекла
Пьёт свет обоев.
День догорел до дна, дотла.
И всё рябое.
А небо вяжет невода
Для звездопада.
Хотя, не каждая звезда
Сорваться рада.
Но точно знаю я, вот-вот,
Отдёрнув шторку,
Увижу, как звезда сойдёт
В мою каморку.
Тогда ночник раздвинет мглу
Тысячеватно.
И струйки радости по злу
Сбегут нескладно.
И тьме тогда не расколоть
Наш мир на дали.
Её останется щепоть.
И то – едва ли.

Сотворение

Ты, конечно же, собачка. Назову тебя Винченца.
Или, может, Гаэтано, если будешь ты суров.
Ну, а если же кошачьим выйдет чудное поленце,
Нареку тогда Орнелла или Рок – Гроза Дворов.
Погоди-ка, старый дурень, ну на кой тебе собака?
Лучше сделай человечка, чтоб по дому помогал,
Чтоб обмолвиться словечком, посмеяться и поплакать,
Чтоб вдвоём уйти когда-то в заочаговый портал.

Будет девочка, я знаю. Филомена... нет! Франческа!
Заживём мы с нею дружно. Сколько ж можно одному?
И она отмоеет стены и полы натрёт до блеска...
Правда, вдруг зайдёт Джузеппе... Это будет ни к чему.
Сизый – мачо грубоватый, да ещё притащит граппы.
Да и мне предложит хряпнуть. Ну, а дальше – ой-ой-ой!
И Франческа станет плакать: Что же ты наделал, папа?!
Лучше б выстругал котейку в свой несчастный день шестой.

В общем, надо мне мальчишку сотворить себе в подмогу.
И одежду по лекалам можно сделать по своим.
Заложу в него, пожалуй, обучающую прогу.
И немножко – игровую, веселее будет с ним.
Как же мне его назвать бы? Донателло? Лодовико?
Карло-младший? Да, пожалуй. Только тайно, невдогад.
Ну, а славу пусть стяжает под простым, забавным ником —
Бурадино, славный парень, деревянный автомат.

Завтра наступит совсем новый день

Инспектор О Эс входит в свой кабинет,
Снимает пиджак и роняет лорнет.
Швыряет жилетку, сорочку и кейс,
И вот уже нету инспектора Эс.
И нечто незримое бродит впотьямах,
Порой натыкаясь на стулья и шкаф,
Потом достаёт из стола револьвер,
И мигом становится киллером Эр,
Что лезет на крышу, и смотрит в прицел,
И видит банкира по имени Эл,
Который беспечно глотает коньяк...
Эр ходит по крыше, тут что-то не так.
На что ему Эл и всё это зачем,
Когда есть на свете прекрасная Эм?
И Эр, оседлав заводной вертолёт,
Взлетает над миром и что-то поёт.
Он снова меняется, он в этот раз —

То лунные Буки, то солнечный Аз.
И мчится по ветру сквозь зной и мороз
В далёкий, чудесный, неведомый Оз.
Там завтра наступит совсем новый день,
Он с Эм повстречается в городе Эн.
И всё расцветёт и наступит пора
Прекрасного утра и юного Ра.

Мы все полосаты

Однажды, забросив кто – якорь, кто – вожжи,
Сошли мы на Берег Бамбуковой Дрожи.
И чащи нас встретили звоном прохлады
И зноем муската в ручье шоколада.

И мы, карабины во мрак поуцелив,
Глядели в пылающий жар акварели.
И в томно плывущей расплавленной мари
Нам чудились всякие Божии твари.

Вон – зебры пасутся, вон – тигры таятся,
А там – лемурыта с гримасой паяца.
И так междулистно берёзятся дебри,
Что всюду матрасят тигристые зебры.

И мы ощутили, что наши тельняшки
Роднят нас со зверем и с каждой пташкой.
Мы все полосаты, мы – братья и сестры.
И это – как всё грандиозное – просто!

И дальше поплыли вперед далеко мы.
Ни долго, ни коротко – вот мы и дома.
Тут всё так знакомо, и каждый так рад нам...
Но жизнь полосатит, мы едем обратно!

СКВОЗЬ ТОПИ НОЧИ

В те дни на севере нездешнем
Мы небо красили задаром.
По вечерам по сбродным барам
Мы пили шквальный самогон.
Потом, взбираясь на телегу
В краю бездонного безбрежья,
Я хрустко тряс себя по снегу,
Внимая зябкости сторон.

Со мной делили расстоянье
Ладья червей, палач и кайзер.
И только семиствольный лазер
Меня от них уберегал.
Теперь за нерпой медноглазой
Спешу я тонкой ломкой гранью,
Чтоб выйти к сумрачному часу,
Который мне безмерно мал.

Но я надеюсь, что не близок
Ещё мой путь сквозь топи ночи.
И день неведомый отсрочен,
И не исписан мой блокнот.
И что не скоро на таможне
В грядущий свет испросят визу.
И завтра снова бездорожно
Пойду сквозь будущее вброд.

Говорящий апрель

Говорящий апрель залетел в нашу комнату тьмы.
Тихо в стойле жевали кору ламинарий сомы.
Многомудрый сосед мне сказал, что, увы,
Нет цветов и коры у подводной травы.
Я кивнул, улыбаясь, я знаю – мы оба правы.

А апрель щебетал, что миры свиты из кутерьмы,
И недолог сверкающий путь вьюжнопёрой зимы.
Но сосед был с весной на ножах и на «вы»,
Он изрёк, что весне не сносить головы.
Но потом улыбнулся: А зря мы сегодня трезвы`.

Мы плеснули в стаканы, и ветер раздвинул думы.
Ободрились сомы и попрыгали разом с кормы.
А мы пели с соседом про звон тетивы
И о солнце, бегущем в края синевы.
И пророчили май, проходя мимо дома, волхвы.

Бритва

Понятно ёжику в тумане
И самым резвым рысакам,
Что нужно летом ладить сани,
Как проповедовал Оккам.

Шучу!.. Про сани он конкретно
Нам ничего не говорил,
Но завещал ломать кареты,
Когда измыслят винтокрыл.

И с этой мудростью под мышкой,
Спешим мы вечною стезёй,
Срезая зряшные излишки
Лихой оккамовской фрезой.

Монашья теза бреет гладко,
Льют слёзы истин по щекам...
Вот так бы женские загадки
Растолковал бы кто-то нам.

А она улетала в Рим

– Нет, представляешь! Она пришла ко мне босая, брошенная всеми!
А я проворчал: Дорогая, вы смотрели на время?
Вот вам, милая, два бутерброда.
Простите, но сегодня запарка была на работе.
Чёрт! Я её просто выгнал. И, кто знает, возможно, она уже угодила в сачок.
Господи! Что я наделал?! Ладно... плесни ещё...

А стрекоза в этот миг вылетала в Рим.
«Ох, муравей, – улыбалась она, – теперь ты точно будешь моим».

У далёких антиподов

У далёких антиподов
В антисини антирек
Антибьются антиводы
В антискальный антибрег.
А над антиголовами —
Антисолнца антисвет.
Оттирают антимамамы
Антирамы много лет.

А у нас лишь антилопы,
Да античности чуток.
Антипатии в европах
Мы не ставим на поток.
В наших бледных гаплотипах
Антител наперечёт.
Но зато сосед Антипа
Антифриз беспечно пьёт.

Сверчалось

Сверчалось. Сыромозглость осени
Вовсю дождила по двору.
И дух суровый жизнепрозенный
Сверлил в предчувствиях дыру.
Не обещая нам острожного,
Но и пирожных не суля,
Он листовально сыпал крошево
В закатность, близкую к нулям.
И мнилось нам, что время свержено,
Что тьма объяла постамент.
И что грядущее кромешенно
До рачьих свистнутых календ.
Но всё ж поверь: над сероскудностью
Взойдёт счастливое всегда!
И наши милые уютности
Минуют Божии суда.

Кто ты?

На левом плече, как попугай у пирата,
У меня сидит леший лохматый.
Пьёт, поёт, о своём судачит,
Сказывает, был прежде одним из кроликов Фибоначчи,
А ещё – охотником и фазаном,
И возвращающимся бараном.
Словом, кем только, но вот покуда
Будет тем, кем я буду.

А на правом плече – яснолик —
Сидит у меня ангельский ученик.
Спрашиваю: Отчего не ангел?
– Так ты и сам, – отвечает, – не того ранга.
Он тоже творил пути от ab до ovo,
Был тенью Чехова, отражением Льва Толстого,
Криками чаек, мычаньем священных коров,
Снами, дымами, смехом девичьим на Покров...

А иногда они ко мне пристают:
«Кем был ты, пока не родился тут?
Может, ты швец, на дуде игрец?
Иль кузнецу троюродный жнец?
Царь, царевич, сапожник, портной?
Отвечай же скорее, ты здесь на кой?».
Я пряниками затыкаю им рты,
И вопрошаю себя: «А всамделе, кто ты?».

Может, я даль параллельного дня?
И не я ль на картине про красно-коня?
А вдруг был душой Чингис-хана я?
Хлебом, вином, небесной манною.
А вдруг я – слонопотамий след?
Но что не втемяшится – нет да нет...
И думаю: Коль впервые вот здесь я,
То как же мне жить пополезней?

По Божьим дорожкам

Божьи коровки
Ступают по Божьим дорожкам,
Шепчут: «Все ваши любовки
Не стоят ни грошка».
Мы не ведём даже бровью,
Пусть бисер помечут.
Разве же мелкокоровью
Познать человечье?

Но коровята
Бубнят: «Вы ни капли не в теме.
Алчется вам Эльдорадо,
А солнце – в Эдеме».
Мы отвечаем игнором
Презренным букахам.
Вот бы им наши аморы
С вселенским размахом.

Так, не понявши
Друг дружку, мы рыщем окрестно.
Вызреет – значит, незряшно,
Умрёт, да воскреснет.
Смотрит Господь в суматоху,
Что нам так по сердцу.
И причитает со вздохом:
Ох, не наглядеться!

За зеркалами

День был ясен, словно пень,
Вдруг гляжу: за зеркалами
Отражение и тень
Поменялися местами.
– Отратение и жень —
Ты нас так теперь зови-ка,
И тебе найдём замень...
В общем, чуть – и я заика.

– Нет, робяты, – говорю, —
Этот фортель не прокатит.
Что у нас в календарю?
Мы же нонче – сёстры-братья!
Так давайте ко столу,
Да по чарке с огуречком.
Разбередим эту мглу,
Чтоб не вышло где осечки.

Что ж, присели. Дзень-да-брень.
Мир, война, футбол и дамы...
Своротили набекрень,
Что доселе было прямо.
Ну, а там – к четырёхстам —
Потихоньку, помаленьку
Я развёл их по местам.

Вот такая дребеденька.

Пиит

С утра поэт невольно честен
И горд прозванием «пиит».
Он с мирозданием кружит вместе,
Но не теряет аппетит.
В обед поэт гораздо больше,
Чем был он прежде, но и тут
Он рыщет, волосы ероша,
Во глубине словесных руд.
А вот и вечер. И из сора,
Ничуть не ведая преград,
Растут слова, как помидоры,
Покуда не готов салат.
Но здесь... легка и грациозна —
Нисходит ночь. И робкий звон
Рождают тлеющие звезды
Со всех неведомых сторон.
И тут поэт в недоуменьи
Глядит в исписанный блокнот,
Где вместо слов – дымы и тени,
А вместо радости – расчёт.
Он рвёт неистово бумагу,
В сердцах ломает карандаш,
Безумным взором ищет шпагу,
Чтоб взять мираж на бордаж.
И вот он – миг святого чуда:
Не он – вселенная творит!
А он – во власти абсолюта.
И счастлив званием – пиит.

Время внучек

Нос по ветру, дочь пирата!
Зря пугают нас крушеньем!
Пусть кружится Носферату
Мрачнокрылой мышеню!
Он мишень для нас – не боле!
Трижды мачта в пасть акуле!
Есть чеснок у нас и колья,
И серебряные пули!

Путь горгульям и медузам
К нам на борт давно заказан.
Мы идём по морю с грузом
Шипогривых древобразов.
Наш диван – как бригантина,
Наши тапки – рыба стая.
Путь лежит из Аргентины
К солнцу сонного Китая.

Ну а дальше – до Камчатки —
Нас родной муссон пригонит.
И до дому без оглядки
Двинем в поезде-балконе...
Мы объехали все дали.
Было круто? Можно круче!..
Так мы с дочками играли.
Наступает время внучек.

Мёд дикого звездопада (2016—2017)

Мёд дикого звездопада

Когда солнце тает в бокале луны,
Брызгаясь лучиками заката,
Старый пасечник прячет в сундук фантомные были войны
И идёт за мёдом дикого звездопада.
А звездопад в июле прян, сочен и свеж.
И пасечник берёт боевой тимьян, пробивает брешь.
А там, и помимо мёда, не исчитать добра —
И ягоды радуг, и в самое небо дыра...
И он уползает вглубь, где встречает смотрителя маяка —
Такого же старого дурака.
«Будешь?» – вопрошает тот. «Да, пожалуй, налей-ка».
И они чинят и ладят идущую вдоль горизонта аллею.

Трудятся без ворожбы и какой-то там ритуальной пляски,
Согласно учению постройки антимиражной
Мечты будущих дней.

Чтоб никому уже не было страшно,
Что ведьмы читают своим детям рассветные сказки
Из «Молота фей».

До предела мрака

Для чего ж нам небо? – в небе нету Бога.
В небеса пойдём мы, в небесах – ни беса.
Кликнем отче Сергия с Патанджали-йогом,
И всех тех, чьё время – уходить из леса.
Наши тропы будут виться по скрижальям,
Станем жечь костры мы у ночей простора.
Кто-то ж должен сведать путь с начала дали
До предела мрака, до скончанья взора.
Нам в пути помогут радуга с ромашкой
И ручей межскальный, что едва не высох.
Он был мал настолько, что вмещался в чашке,
Но бежал не с горки, а взбирался в выси.
А потом подрос, и Патанджали молвил:
Вот теперь на нём мы поплывём повсюду.
И спустили плот мы на ветра и волны
И его по свету потащил Гаруда.
И двенадцать ржанок, с ними – птица Сирий
Радуги плели нам из цветов заката.
И весь мир безмерный был утихомирён,
И по всей округе становилось свято.

Нас оставляют

Чёрный квадрат, словно чёрный гранит,
Как пьедестал, чтоб мы стали повыше.
День предыдущий уже не болит.
Толку кричать, если фатум не слышит?..

И продолжаем мы в зыбкой тиши
Песни бурчать и брнчать однострунно
Тащим с улыбкою наши гужи
В сдвинутом на ухе нимбе перунном.

Чёрный мой кофе, ох, чёрный мой ром!..
Вас я мешаю без тени зазренья.
В небо опять уплывает паром.
Нас оставляют учиться старенью.

А улитки продолжают играть

Дудочки и колокольчик – вот и все инструменты,
На которых играет оркестр белокрылых улиток.
Тает сахарный дым под лучами абсента.
Я читаю твой свиток.
В нём – как синица въехала в город на колеснице,
В которую запряжены три журавля.
И, выйдя под розовый всполох зарницы,
Их встретила дочь короля.
А все, кто был рядом, узнали, что тьма не похожа на тень.
И, разглядев журавлиные дали, поднялись с колен.

А улитки продолжают играть прозрачный полуденный блюз.
В перламутровом пламени прямо над ними танцует стайка медуз.
Но дирижёр уже уложил скрипку в футляр.
На нём капитанский мундир. Ты шепчешь: А знаешь, он – бывший корсар.
И садись подле меня. Рядом твоё плечо.
Дочь короля – это ты; кто же ещё?
И мы вместе смотрим в закат, который нас стережёт.
А капитан выходит на мостик, голос его, словно буря ревет:
– Рубим канаты! Три кия дьяволу в пасть! Полный вперед!

Она пришла из Шулема

Она пришла из Шулема
Ко мне в Аркаим.
Отколов от хитона три хризантемы,
Молвила: Раздай им.
И я пустил их по тверди, воде и небу,
И вместе сели за стол Индра, Перун и Один.
А вестовой Эреба
Сказал: Хозяин велел поклониться. Теперь он свободен.

Юродивый

Юродивый пел, что всё будет в четверг,
Что мрак в нашем мире почти что померк.
И что для узлов не нужна бечева,
И что для души ни к чему голова.

Слетались к нему стаи белых ворон,
А он говорил про замену времён.
Затем улыбнулся: Зерцало криво...
И тут участковый прошёл сквозь него.

А он обернулся к народу, шепнув,
Всё это не боле – комедия-буф,
Последуйте дао, но помните дэ,
И будьте везде в нашем славном нигде.

Здесь радуга неба к нему снизошла,
Блаженный промолвил: Простите, дела.
Мне нужно построить для солнца гнездо.
И тихо исчез, как вода – в решето.

Шишел-Мышел выжил

Слышал ли ты, слышал? —
Шишел-Мышел выжил...
Он один лишь вышел
Из закатных врат.
Он теперь недвижим,
В ангелы расстрижен.
Он – как бархат вишен
На губах дриад.

Что же нужно боле,
Сколько ж нужно боли,
Чтобы стал намолен
Каждый новый шаг?
Взять и выйти, что ли,
Из пещер и штолен?
Право же, доколе
Будет всё не так?

С Шишелом к вершинам
По морю идти нам.
Лишь из паутины
Сладим такелаж.
По глубинной тине,
По полям полыни
Путь трясинно-льдинный
Будет только наш.

Капля света падает в бочку тьмы

Между делом и поделом,
Между омелью и помелом,
Там, где перекрёсток тюрьмы и сумы,
Обитает мир, который построили мы.
В этом мире много цветастых слов,
Есть свободы, связанные из оков.
А есть и оковы, выкованные из свобод,
И мутное время, в котором мы ищем брод.
А бывает, не мы строим мир, а мир строит нас.
И тогда мы роняем свет из опустевших глаз.
Капля света падает в бочку тьмы и горит.
В реторге пузырится и брызгает лучистый рассветорид.
А капля света воскрешает не только лошадь, но даже кита.
И мы видим, как трепещет чудо на дне судьбы-решета...

Сизиф

Пока катится камень, можно куда-то зайти, потрепать языком.
Пока катится камень, движется мир, а я – вместе с ним – по ссылке myagko-postelit@com.
И я открываю дверь. «Привет, как жив-здоров, Прокруст?
Не стану про хруст – моветон... не ты ль пролоббировал тот эдикт, что издал Минпуст?
В нём – о том, что нужно блокировать всё, что превышает длиной нос,
А все мало-мальски дальние дали пора пустить под откос».
«А хоть бы и я, – говорит, – много ль в просторах морали?
А хоть бы и так, – взор его ясен, – едва ли нужны эти дали.
Присядь на диван, почувствуй себя, как дома.
С виноградников Стикса мне прислали вчера забористой комы,
Выпьем, поболтаем о том, что нужно знать свои сани,
А я пока закреплю тебя на диване...»
– Дурак ты, Прокруст, – отвечаю я и выхожу вон.
Облака летят и смеются, и нигде не видят препон.
А телефон всё молчит, и мир становится мал.
Но нужно прожить себя насквозь, пройти себя до утра, загрузить в себя новый реал.
Спешащие мимо тролли предлагают (недорого) лёгкую смерть, я кричу им: «Брысь!».
Мой камень скатился, пора толкать его ввысь.

Гэндальф и Мазай

Гэндальф и Мазай —
Лишь они выведут нас из болот.
Гэндальф и Мазай
Спускают на небо межпланетный плот.
Крики «банзай!»
Разбились о скалу тишины.
Ты почти у солнца, слезай,
Поставим силки на демонов войны.

Мазай – зелёный маг.
Он ведает наречье ручьёв.
Мазай – зелёный маг.
Раньше было всё его, а теперь – ничьё.
Из цветов – флаг,
Посох – из пенья змеи.
За поясом колпак,
Куда не забредёт – все ему свои.

А Гэндальф бел,
И зло ему мало.
А Гэндальф бел,
Из радуги – весло.
Стая лунных стрел —
Над его тропой.
Кто истинно смел —
Давно закончил бой.

Гэндальф и Мазай,
В чём истоки сил?
Гэндальф и Мазай,
Дайте нам крыл.
Держись, не исчезай,
Ясная высь.
Свет, не оскудевай,
Прошу тебя, держись!

Надеюсь...

Звонок параллельному Я (у нас один на двоих альтер-эго).
– Привет, как ты там, брат?
– Пытаюсь идти Серединным Путём, но опять навалило снега.
Сыплет кряду три дня... на кой ляд этот кряд?
А как у тебя? Надеюсь...

А что у меня?.. Розовоперстая Эос
Скользит надо льдом пруда, кормит ручных уток.
«В течение ближайших суток, —
Вещает радио, — ожидаются холода».
На лавочке три шиликуна пьют иней со спиртом,
Машут рукой, мол, давай-ка с нами,
Но я проникаю в реал, разбавленный простуженным виртом
И ещё не рождёнными временами.

Открой моё завтра своим лучом

Всё б ничего, да огни без дымов
и золото разъедает ржа...
А когда я взлетаю над тенью домов,
небо – как взмах ножа.
Только вчера я был полон весной,
апрелем и свит, и прян.
А теперь кто-то идёт за мной
сутулый, как башенный кран.

За кармой бурлит кильватерный след,
мобильный панк режет щупальца вен.
На несколько нот наложен запрет,
и лишь новый запрет – взамен.
Но Лао Цзы за левым плечом
монтирует 25-й час.
Открой моё завтра своим лучом,
и станет вином...
то время,
что пока ещё бродит в нас.

Искрами на золе

Когда Анубис ушёл за седьмой плач,
Он отдал ключ Костроме.
И сказал: «Время моих удач
Подошло к зиме.
А у тебя впереди вся даль,
Вся высь у твоих ног.
Пусти по морю мою скрижаль,
Я больше тебе не бог».

И Кострома осталась одна
В доме, увитом плющом.
И достала наш мир со дна
Анубисовым ключом.
А дальше всё потекло, как встарь,
Добро осталось спящим всадником на стреноженном зле.
И Кострома, зная, что зло убивает и порождает всё, писала наш календарь
Искрами на золе.

Путь бороны

Капитан землепашцев завершает дела на земле,
Улетает в кипящий стеклоугольный бетон.
Сверяя маршрут с морщинами на хозяйском челе,
Улыбаясь, машет крылами его птеранослон.
Приземлившись, капитан заходит к соседу – мастеру эдд,
Что теперь пишет оды, размахивая топором в пустоте.
А тот, разрывая в клочья радость прежних побед,
Бурчит, что слово – только одно, остальные не те...

Буря в стакане города к рассвету почти улеглась.
Немного солнца в холодной войне – это ль не повод к переводу часов на язык весны?
Капитан знает: то, что для иных – грязь,
На деле – путь бороны.
И он достаёт бурдюк, разливает в стаканы
Соки земли, в которых – и смех, и плач.
И мастер эдд пьёт с капитаном
За здоровье прекрасных кляч.

Прорастая в весну

Когда заснеженная наледь
Творит торосы из теней,
Так хочется халат натянуть.
Да и носки – пошерстеной.
Залечь на дно – во мглу дивана,
Взять книгу. Можно не одну.
И тихо прорасти в весну,
Лелея сны апрелемана.
И знать, что хмари выйдут вон,
А следом хвори сгинут в Тартар.
И залучится небосклон,
Смеясь над шутками dell'марта.
И грезить, что наступит мир —
Забьют фонтаны из зениток...

Басё отложен и Шекспир.
Пьют чай Офелия с улиткой.

Огонь, свернувшись в очаге,
Сопит, хвостом укрывшись лисьим.
Зима, любясь перволистьем,
Уходит в рваненькой пурге.

До скончания кед

Мой кузен марсианин
Привёз вино, что перешло через брод триста веков назад.
Сказать по чести, оно походило на камень,
Которым мощёны тропы в Эдемский сад.
И я, непромедля, рассказал про эти сады,
Он слушал, и его бросало то в пламень, то в лёд.
При этом я небрежно заметил, что мы тут с Богом на «Ты»,
А наши предки угнали из рая запретный плот.
И он сказал мне: «Дружище,
Покажи мне все эти места».
И был день, и была пища.
И мы ступили на шаткий настил поста.
Долго ли, коротко ль, но мы шли до скончания кед.
Мешали его вино и мой берёзовый квас.
А однажды, сидя под одной из раскидистых бед,
Мы покрылись птичьими гнёздами, поскольку сад расцвёл внутри нас.

Окончанье пути в этот день не ложилось спать.
Кто-то прыгал по звёздным кочкам, гудел в гобой.
А под утро марсианин, указывая в небо, шепнул мне: «Глядь!..
Это же – мы с тобой».

Хоть тысячу раз...

На бесптичье и божья коровка – птица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.